

Г ИСТОРИЯ ДЛЯ ВСЕХ

ГДЕ ЛАГЕРЕЙ ЧАДИЛИ АДЫ...

(Из блокнота журналиста)

(Продолжение. Начало в номерах от 17 и 20 мая т.г.)

Екатерина КУЗНЕЦОВА,
почетный журналист
Республики Казахстан

Эта строка из стихотворения кинорежиссера Геннадия Земеля «Мамочкин городок» - о Карлаге, где он, сын репрессированных и приговоренных к лагерному сроку родителей, родился. Родился, чтобы выжить и рассказать...

Имя Земеля сегодня хорошо известно в Казахстане, он автор бессмертных фильмов «Латыши» и «Людоед», многих документальных фильмов о бурно развивающемся Казахстане. А тогда, в 1988-м, он впервые приехал сюда из Латвии и начинал снимать свою документальную эпопею о Карлаге.

В ту осень нашим проводником по «заповедным» зонам бывшего Карлага НКВД был Хеймо Раутейнен, отбывший здесь срок как «враг народа» и в конце 80-х вчистую реабилитированный как невинно пострадавший.

Хеймо – канадский финн, также как и Джозеф Глазер, о котором снимали фильм журналисты BBC (см. «Те, кто выйдет отсю-

да, навеки родные». - Авт.), был привезен отцом, простым рабочим человеком, владельцем маленькой скобяной мастерской в Канаде, по убеждениям – сочувствующим коммунистам и решившимся на переезд в СССР, чтобы своими глазами увидеть «новый мир».

И увидел. В середине 30-х был арестован НКВД как «шпион и диверсант», а затем сел в тюремную камеру и его подросток к 1942 году сын Хеймо. Как и отец, он получил 58-10, статью из УК РСФСР, обречавшую его на пожизненное клеймо «враг народа».

Срок у Хеймо вышел длинный, отхлебнул он из этой горькой чаши полный глоток. И когда совсем уж ноги его не носили и похож он стал от лагерного труда и баланды на тень от человека, а не на самого человека, отправили его в лаготделение Корум умирать – к пеллагрикам. Путь его лежал сквозь долинные сады и вышки, сквозь лай сторожевых собак и мат конвоиров, но он дошел, доплелся в сером безликом строю до Корума. Два барака, кухня, мертвецкая и колодец – теперь все это ушло в прошлое и следа не осталось.

Не очень далеко от теперешнего Шахтинска – степное корумовское кладбище. Молодой Хеймо и рыл там могилки для не выживших от паллаговой муки политзеков – «врагов народа». Так он «перевоспитывался трудом», как

писали в своих отчетах в ГУЛАГ карлаговские начальники, циничным этим эвфемизмом обозначая рабский труд в подведомственном советском учреждении. И вот через полвека нашел он это кладбище и водил нас с Геннадием по степи, только ему открывающей страшное свое прошлое...

Хеймо выжил. Выжил всем смертям назло благодаря своей молодости, финской закалке и канадской вере в конечную справедливость. Она-таки наступила. Но через что же надо было пройти, чтобы ее дождаться!

И теперь мы с ним колесили по бывшим отделениям Карлага и слушали его горький рассказ о прожитом здесь и пережитом.

...8 июля 1989 года в Караганде в доме политического просвещения обкома партии состоялась учредительная конференция областного добровольного историко-просветительского общества «Караганда-Адилет». В работе конференции принимали участие делегаты от организаций-учредителей – Карагандинского межобластного отделения Союза писателей СССР, областных отделений Союза журналистов, Союза художников, Союза архитекторов СССР, Центрально-Казахстанского межобластного отделения наук КазССР, производственного объединения «Центрказгеология», от вузов Караганды, бывшие узники сталинских концлагерей – пред-

ставители всех городов и районов области. Конференция избрала правление общества и председателя правления, которым и стала автор этих строк, обозреватель газеты «Индустриальная Караганда». («Индустриальная Караганда», 09.07.1989 г.).

К тому времени ИПО «Адилет» уже было образовано в столице – Алма-Ате, и автор этих строк вошла в состав правления республиканского ИПО.

И после официального шага со стороны власти потянулись в Караганду, а главное – в Долинку те, кто хотел увидеть своими глазами это печальное и историческое во всех отношениях место. И стала Долинка известна всему миру.

В те годы поначалу ехали в основном сами бывшие сидельцы и их дети. Тогда приехал сюда из Москвы и Гарик Острин, артист Московского театра «Современник», и Феликс Патрунов, известный в географических кругах СССР, член Всесоюзного географического общества, москвич, автор многих книг о разных странах.

Их привели сюда воспоминания юности. У обоих отбывали свой лагерный срок как ЧСИР (член семьи изменника родины) матери. Срок заключения у матерей закончился в 1946 году, но из лагеря не отпускали по приказу Берии «до особого распоряжения», однако сыновьям разрешили приехать, и мальчишки

жили теперь рядом с отбывшими срок, но не свободными матерями в барачных закутках, учились в знаменитой долинской школе.

Феликс Патрунов позже приехал в Караганду несколько раз, он и привез мне воспоминания своей матери и копию ее дела из архива бывшего ГУЛАГа из Москвы, а с Остриным мы встретились повторно (через 20 лет после первой встречи!) на открытии мемориала жертв сталинских репрессий в Астане, в бывшем АЛЖИРе.

А в 1989-м я с ними ездила в Долинку, все было еще узнаваемо, еще живо в памяти, и они показывали мне: «вот тут была школа, а это клуб, в нем была отличная библиотека, а это больница для заключенных, здесь работал профессор-кардиолог, бывший министр здравоохранения РСФСР, «враг народа» Колесников...».

После августа 1991 года, когда власть в СССР переменялась, потянулись сюда иностранные корреспонденты, и на экранах и телеэкранах, на газетных полосах всего мира замелькало слово Dolinka.

Из «Daily Mail» приехала Миранда Инграм, приехал Робин Найт, корреспондент «U.S. News» оба из Лондона, их живую интересовала судьба Хеймо Раутейнена. Тоже сразу – в Долинку.

Микаэл Йордан из Словакии, профессор Адам Добронски из Польши (Варшава), Анна Петрачек,

журналистка с польского ТВ, Бруно Максвиллиамс из «The Chronicle of Higher Education».

С кем только не ездили мы в Долинку, кто только не фотографировал бывшее главное управление Карлага, не топтал досок в его коридорах, травы в заросшем парке перед зданием...

Я перечисляю далеко не многих из тех, кого привело в наши края отнюдь не простое любопытство, а профессиональное желание в полный голос рассказать миру о постигшей советский народ трагедии с тем, чтобы не дать ей повториться вновь.

Со многими из тех, о ком я в общих чертах упомянула, связаны интереснейшие истории, встречи, курьезы.

Немецкая журналистка Кристина Линк снимала здесь документальный фильм о двух немках, чьи мужья, работники Коминтерна, были сначала арестованы в Москве НКВД, а потом выданы Гитлеру и им уничтожены. А жены, оставшиеся в Москве, в знаменитом «доме на набережной» как ЧСИР были отправлены на 8 лет в Карлаг НКВД.

Обе немки - Платайс и Зибенайхер - были более чем солидного возраста - одна за 80, другая чуть «моложе», исколесили казахстанскую степь, побывав сначала в акмолинской Малиновке (бывший АЛЖИР), потом в Долинке, под-

нимались на вертолете, бесстрашно в самую пиковую летнюю жару «проходили» пешком бывшие этапы, поражая нас – меня и продюсера будущего фильма молодого москвича Замира (фамилия уже забылась), своей выносливостью и отличной памятью. Мы сумели даже найти дом в Майкудуке, где снимали комнатку нани героини после освобождения из Карлага, до отъезда в 60-х в Германию.

А Кристина, ничтоже сумняшеся, «зарулила» даже в тогда еще облупленное КГБ на Советском, где под отчаянный вопль «смотрящего» у проходной, презрев все условности и правила тех лет, запечатлела на пленку своей кинокамеры «светлый образ» создателя ВЧК, чей бюст еще украшал вестибюль ведомства. Однако кончилось все благополучно, в ведомстве нашлись (как всегда!) умные люди, хозяева оказались вполне политкорректными и радушными, нашли общий язык и с незваной гостьей, пришли к консенсусу и даже тепло распрощались друг с другом на пороге, словно бы старые друзья, чем нас с Замиром повергли в совершенный шок...

Это было интересное время открытия мира. Мир открывал нас, мы открывали мир. И пусть открывали мы миру не самые счастливые свои странички, но все же, все же... Я вспомнила об этом, чтобы еще раз подчеркнуть – интерес к той, уже перевернутой, но не забытой странице нашей общей – в СССР - истории, до сих пор сохраняется. И не только у нас, на далеком Западе или еще дальше, но и в России. Но о российских гостях Долинки – в другой раз.

(Окончание следует)